

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Красавица и Хулиган. Глава 3

Сложно передать словами душевное состояние Валика в тот вечер. Неделя без Макса подвела его к черте отчаяния, обнажила старые душевные раны. В жизни Валик уже успел хлебнуть горя.

В четырнадцать лет родители решили отправить сына в летний лагерь.

— Хотя бы на месяц, — сказала мама. — Отдохнёшь там, оздоровишься. Чего в пыльном городе сидеть?

Купили путёвку, посадили Валика на автобус с другими ребятами, и он поехал в лес, оставляя уютную комнатку на четвёртом этаже.

В лагере Валика определили к ребятам постарше. Тётечка, взглянув на плотную фигуру рыхлого подростка, приняла такое решение, определив возраст тюфячка на глаз. В деревянном бараке двадцать пацанов, оставшись без присмотра, сходили с ума с утра до вечера. Это были дети заводских рабочих, деревенские. Валик, младший их на два года, привёз с собой книги, взятые в библиотеке для летнего чтения. Очень скоро для любимого занятия не осталось времени. Первые дни легковозбудимые подростки присматривались друг к другу, вступали в альянсы. На третий день, забавы ради, кто-то попытался схватить Валика, чтобы помериться с ним силой. Всё происходило в шуточной форме, о серьёзных драках речь пока не шла. Валик вырвался и убежал. Это стало началом травли. Когда кто-то убегает, на него тут же организуют охоту. Валик боялся заходить в барак больше часа, и парни сделали вид, что забыли. Но когда наконец он прокрался ко входу, кто-то схватил его со спины и затащил внутрь. Он сопротивлялся, повалился на пол, но их было слишком много. Они накинулись на него, пятеро-семеро, потащили к кровати, скрутили руки, обездвжили ноги. Всё это сопровождалось кровожадным улюлюканьем первобытных охотников, вошедших в азарт. Они поймали кабанчика и тащили его живьём на разделку. Валика привязали полотенцами к кровати, чтобы он не смог вырваться. Кто-то запрыгнул на лицо прокатиться, другой завязал узел на полотенце и начал хлестать по животу и ногам. Вначале Валик рыдал, пытаясь вырваться. Боль и унижение вернули в реальность, спустили с облаков, в которых он витал, заторможенный, все эти дни. Наконец, осознав безвыходность своего положения, Валик успокоился и оставался неподвижным, пока пацаны издевались над ним. Всё, о чём он думал в этот момент, сводилось к немой мольбе прекратить, отпустить его. Он обращался не к учителям, а к злему духу, вселившемуся в них, витавшему вокруг.

Это абсолютное зло имело абсолютную власть над ним, и в тот день оно сломало в нём веру в человечность, в добро, которое жило в его сердце с рождения. Он больше никогда не будет радужно улыбаться, не станет доверять людям. Люди и есть зло, они причиняют боль, разрушают добро, заложенное природой.

В барак вошли две девушки, услышавшие шум с улицы.

— Что вы делаете? — возмутилась одна из них. — Ему же больно!

Парни с ухмылками отошли от разделочного стола. Дух зла взвился в воздух, наслаждаясь видом идолопоклонников, которые торопливо вытирали руки и лица, запачканные тёплой кровью.

Девушки освободили Валика. Одна из них, которая постарше, призвала парней к совести: — Вас же так много, как вам не стыдно! Все на одного накинулись!

После этого случая Валика больше не связывали, он стал последним человеком в бараке, опущенным, которого можно было помучить в своё удовольствие или отработать на нём удары. Его валили на траву, пинали, душили. Два дебила делали это изо дня в день, когда чувствовали себя особо мерзко в роли прихлебателей второго плана. Костяк правления в бараке сформировался на четвёртый день лагерной жизни. Как и в дворовой банде здесь было несколько отмороженных быков, склонных к подлости, и один опытный трепач, очаровавший бойцов лестью и дешёвыми понтами.

Власть кулака ничего не значит перед оскорблением, которое может нанести острое слово. В коллективе мужских особей базар по понятиям, пацанская честь, слово пацана имеют гораздо большую силу, чем физическое превосходство.

Скоро один интриган по имени Юра, стремившийся получить влияние на вожака, сделал Валика своей шестёркой. Каждый день Валик должен был ходить в соседний женский барак и подслушивать: кто кому нравится, куда девчонки собираются пойти. Надо было ходить за ними и собирать информацию.

Юра объяснил Валику, кто чего стоит. Все пацаны оценивают статус друг друга количеством порванных целок. У многих уже было по одной зарубке, а у Юры — ноль. Местные из деревни, приходили к лагерю, завлекали девчонок звуками гитары, иногда просачивались на дискотеку. Один местный мужик — двадцатилетний парень — имел в своём активе двадцать семь баб. Двадцать семь! Это число не укладывалось в голове Юры. Он готов был рвать на себе волосы и выть от зависти.

Девушки не обращали внимания на Валика, который чувствовал себя в безопасности, находясь рядом с ними. В такие минуты он завидовал девушкам, их миру, в котором не было места мужской агрессии, ненависти, издевательствам. Его кротость умиляла барышень, которые кроме возраста были ещё и старше его духовно. Он, как младший братик, болтался рядом, вечно подавленный и молчаливый.

Однажды Валик пришёл в женский полупустой барак и увидел рыдающую девушку, которая лежала на кровати, отвернувшись лицом к стене.

— Что случилось? — спросил он взволнованно у другой девушки, проходившей мимо.

— Вши у неё нашли и заставили голову помыть, — неохотно ответила та.

«Всего-то? — подумал Валик. — Девушки ревут из-за таких мелочей! Если бы она знала, каково мне!»

Он опять горько позавидовал женской доле. Девушка была прекрасна в горестных всхлипах, и Валик принялся её успокаивать:

— Не плачь, ну не плачь, пожалуйста! У тебя очень красивые волосы, — сказал он, не надеясь, что его услышат.

Но девушка очнулась, протёрла глаза и, приподнявшись, улыбнулась ему.

— Спасибо, — сказала она.

На зарёванном лице проявилось достоинство, которое всегда инстинктивно возникает у девушек, принимающих комплимент как данность.

У неё действительно были красивые длинные волосы, слегка мокрые, и милое распухшее личико. Валик был очарован как ребёнок. Они продолжили общаться, и незаметно закрепились друг за другом.

За каждым пацаном в бараке была закреплена своя баба из женского отряда. Мальчики и девочки распределились по парам к концу первой недели. Они не встречались, не гуляли

вместе и почти не общались. Просто так договорились: «это моя баба, это — твоя». Девушки не были против редких знаков внимания со стороны навязанных жребием кавалеров. На ежедневных дискотеках пацаны толпились с одной стороны, девчонки — с другой. Никто не дёргался на танцполе, все слушали музыку и били комаров. Высшим шиком считалось пригласить девушку на медляк или сходить покурить.

Валик крутился рядом и не понимал, почему пацаны не приглашают девушек на медленные танцы, а только говорят об этом. В его жизни не было понятия мужской чести и достоинства, он не представлял, как можно комплексовать из-за отказа.

Во время похода Валик немного отстал со своей девушкой. Между ними не было и намёка на флирт, они просто закрепились друг за другом — две одинокие души, выбранные жребием судьбы. Видимо, в женском бараке наличие ухажёра, хоть какого, вызывало уважение. Неожиданно вернулся один отморозок, мучивший Валика время от времени. Он напал на Валика, повалил на траву и начал душить, сев на грудь. Валик заплакал, девушка заволновалась. Она проявила неосторожный интерес к более сильному самцу, ласково заговорив с ним, и тот оставил Валика на время в покое. Девушка, его — Валика — девушка, переметнулась к мучителю, почуяв интригу борьбы за обладание ею. Она продолжила жалеть Валика, общаясь с задирой. Тот, в свою очередь, уловил взаимосвязь и продолжил издеваться над Валиком, чтобы сделать девушку более благосклонной. Так оно и работало: хулиган мучил Валика, девушка ласково просила хулигана не трогать слабого, хулиган проявлял благородство, подчиняясь воле дамы сердца, дама расцветала, чувствуя женскую власть над грубой мужской силой. В этой игре Валик был крайним, его избивали, чтобы вызвать сострадание. В минуты отчаяния он завидовал девушкам, ненавидел их за непостоянство, разочаровывался в любви к женскому полу. Мама добралась до лагеря только через две недели. По его грустным глазам и подавленному молчанию она догадалась, что мальчик страдает.

— Он не лагерный ребёнок, — скажет она потом подруге.

А пока она выдала Валику мешок шоколадных конфет и предложила угостить ребят на прощание. Она не знала, что те полностью сломали его за две недели. Он шёл от кровати к кровати, доставал четыре конфеты из мешка, клал на покрывало или тумбочку, или отдавал в руки, а в сердце его больше не было и капли той доброты и любви, с которыми он приехал в лагерь. Он ненавидел их всехзаботится обо мне! — восторженно думал он. — Раз ухаживает, значит любит!» Они решили выйти перед парком и прогуляться. Повсюду чувствовалось восхитительное предновогоднее оживление. Под чёрным бархатным небом свежий снежок блестел рассыпчатой хрустальной пылью, огни фонарей выхватывали редкие снежинки, беспорядочно блуждающие, как летняя мошкара. Взрослые катали детей на санках.

— Расскажи мне, какая она была, твоя девушка? — осторожно спросил Валик, когда общие темы были исчерпаны и между ними установилось романтическое молчание.

Макс хмыкнул, растянулся в широкой доброй улыбке.

— Внешне она была очень похожа на тебя. Только красилась и одевалась. Ну, ты понимаешь, как все девушки.

— Да... Понимаю, — Валик напрягся. Мало быть похожим на бывшую Макса, нужно одеваться и краситься как она. — Я бы хотел быть похожим на неё, но не знаю, смогу ли. К тому же, у меня нет денег на женскую одежду и косметику.

— Я могу купить, — дружелюбно отозвался Макс и добавил мечтательно: — Хотел бы я хоть

разочек взглянуть на свою Лялю...

— Её так звали?

— Да, для всех она была Алина, а для меня — Ляля. А ты, выходит, Валя...

— Я — Валя? — Валик улыбнулся. — Ляля Валя, — перед его взором всплыл образ обворожительной куколки в женском нижнем белье.

Они пришли к подъезду, где жил Валик, и поднялись на четвёртый этаж. На балконе лежал небольшой девственный сугроб, которого не было вчера, когда они впервые поцеловались на этом месте.

— Вы долго встречались? — спросил Валик после неловкого молчания. Ляля встала на пути к счастью, и он чувствовал, что ревнует. Странное новое чувство, доселе незнакомое ему, въедалось в душу.

— Почти три года. Даже собирались пожениться.

Валик задумался. Конкурировать с девушкой, у которой есть груди, вагина и клитор, не просто. Надежды на серьёзные отношения с Максом пошатнулись. Он решился сказать начистоту:

— Знаешь, у меня нет опыта с девушками, а с парнями тем более. Я боюсь, что всё испорчу.

— Я тоже, — с облегчением вздохнул Макс. — Боюсь, что сделаю тебе больно и ты не захочешь со мной встречаться.

— Я не захочу? — Валик притворно возмутился, по-детски улыбаясь. — Да я больше всего на свете хочу быть твоей Лялей. Очень хочу! Когда мы вчера поцеловались, у меня всё внутри перевернулось, — он запнулся, с тревогой посмотрев на Макса. — Ты ведь меня не бросишь?

«Ну вот! Начинается!» — изумился Макс про себя, а вслух сказал:

— Мы не можем встречаться, как парень с девушкой. Только как друзья.

— Да, конечно! — поспешил вставить Валик. — Я имею ввиду, ты не бросишь меня как друг, если я окажусь плохой девушкой?

— Друзей не бросают! А если будешь плохой девушкой, то накажу, — игриво заметил Макс.

— Интересно как, — в тон ему вторил Валик. В нём вдруг проснулось желание дразнить, флиртовать, соблазнять.

— Дай мне руку.

— Зачем?

— Ну дай.

Валик выставил руку и не успел опомниться, как Макс, втянув живот, засунул её себе глубоко в пах под ремень джинсов, минуя резинку трусов. В нежной руке Валика неожиданно оказалась огромная пачка гениталий.

— Теперь веришь, что накажу? — Макс буравил Валика пристальным холодным взглядом, изучая малейшие изменения эмоций на лице неопытной тёлки.

— Да, верю, — испуганным голосом отозвался Валик. Его широко открытые глаза в ужасе застыли, не моргающий взгляд уставился в холодные острые глаза, ротик приоткрылся от стыда, губки задрожали. Мягкое тело моментально покрылось гусиной кожей, Валика знобило от нервного потрясения. Он не представлял, что мужское достоинство может иметь такие размеры, что нежная мошонка с перекатывающимися яйцами может свисать так глубоко, что вялый член может быть таким толстым и не помещаться в руке. Он не знал, что делать, бежать ли, спасаться от сексуальных домогательств, и тогда Макс подсказал ему:

— Поиграй со мной, Ляля, немножко. И ничего не бойся, я тебя не трону. Сюда кто хочешь

может зайти, — Макс отпустил руку, предоставив Валику самому решать, хочет он играть или нет.

Валик застыл от неопределённости новой для себя ситуации. Вчера поцелуй, сегодня — член в руке. Тёплый нежный член, и Макс такой покорный с ласковым взглядом, холодным, как северное сияние. Постепенно Валик оправился от шока.

Ничего ведь опасного в этом контакте нет, думал он. Макс не хамит и не принуждает силой. К тому же, нужно всего лишь поработать рукой.

Валик обхватил пальчиками разбухшую плоть и начал нежно водить, стягивая кожу с массивного шланга к корню.

— Так хорошо? — спросил он полусшёпотом.

— Очень хорошо, — Макс смотрел на него, как волк на ягнёнка — голодным неморгающим взглядом насильника.

Для него это был момент истины. Сможет ли он возбудиться на тёлку с хуем, не испугаться необходимости трахнуть её в жопу, когда придёт время. Не испытать стыда за отсутствие эрекции. Ведь Валя — пацан, сладенький мальчик, знает, как устроен мужской агрегат. Как правильно работать рукой, как сосать. Знает, что член может кончить, что польётся сперма, что в этот момент будет оргазм и много удовольствия, и надо постараться. Потому что Валя и сам так устроен, только выглядит как баба.

«Как баба! Как баба!» — повторял Макс про себя, чувствуя, как член постепенно наливается кровью, задирается в джинсах, упираясь головкой в ширинку, ломаясь набок.

Это был стояк, его первый стояк на бабу, пускай и с хуем. Железный стояк на бабу, которую он выебет, если она не успокоится.

Не остановится немедленно!

— Такой большой, — прошептала тёлка, облизывая приоткрытые губки.

— Да, Ляля, — прохрипел Макс в ответ. — Я хочу тебя...

— Я тоже тебя хочу, милый. Ты не представляешь как, — заиграла женскими интонациями текущая сучка. — Можно я поласкаю тебя язычком?

Это было рискованное предложение, и Макс засомневался. В любую секунду на балкон могли зайти парни со двора или соседи Валика. Быть застигнутым врасплох с дворовым изгоем не входило в его планы.

— В следующий раз, Ляля. Я приглашу тебя к себе, и мы займёмся любовью. А пока отпусти меня, пожалуйста. Я не могу больше терпеть, видишь, что ты со мной делаешь.

Макс возбуждённо хрипел. Он готов был трахнуть её прямо на балконе, но не мог. Обстоятельства места и времени не располагали к интиму. Оставалось надеяться, что ситуация повторится в более подходящем месте.

— Хорошо, милый, — вошла в роль Ляля. — Только позови меня, и я тут же приду. Буду делать всё, что ты захочешь. Накрашусь и оденусь, как тебе нравится. Ты купишь мне женскую одежду?

Валику нравилась идея, что Макс сам выберет, что хочет. Любовник позаботится о Ляле, принарядит свою девочку. А потом она выразит ему благодарность, удовлетворит все его сексуальные потребности.

— Да, ты только скажи мне свои размеры.

В этой необычной страсти они всё глубже погружались в игру, в которой каждому из них отводилась своя роль. На следующий день Макс заказал в интернете всё необходимое и уже

через четыре дня передал Валику пакет с покупками.

Они опять сходили в кино, опять целовались на балконе. Валик расстегнул верхнюю пуговку джинсов, приоткрыв пышный лобок обтянутый чёрной сатиновой тканью. Женские трусики с кружевной резинкой хорошо сидели на попке, он даже удивился, насколько они удобные и мягкие по сравнению с мужскими. Его рука нашла вздыбленный член Макса, и он опять подрачивал любимому, пока они целовались.

Макс вошёл во вкус. Тёлка с членом вызывала в нём стойкое желание, и он больше не волновался, что облажается. Засовывал язык в её сочный рот, разминал булки, представляя, как засадит туда свой первый кол, гладил густые чёрные волосы, ласково призывая Лялю больше не стричь их.

Она всё текла, стора от любви, но не решалась сделать последний шаг. Любовник настойчиво звал её в гости, предлагая взять наряды с собой, чтобы переодеться в ванной и выйти во всей красе. Но Валик боялся. Потеря девственности всегда казалось ему странной несбыточной мечтой. Лишившись невинности с мужчиной, думал он, он не сможет лишиться её с девушкой. Эта первая свежесть будет утрачена. Не бывает двух первых раз, девственная плева не зарастает, память о первом проникновении не выходит из головы. Он не сможет стать парнем, однажды выбрав путь девушки. Мало разбежаться, чтобы полететь, нужно ещё оттолкнуться. И этим последним толчком стала неожиданная встреча с бандой Димона.

Это случилось перед самым Новым годом. Макс как всегда провожал Валика домой, когда они наткнулись на пацанов в парке. Те сидели на спинке лавочки, поставив алюминиевые банки пива под собой на сиденье.

— Не фига се! — первым проснулся Фирага. — Макс, ты чё теперь, с пидорами водишься? Димон, Руся, ещё трое пацанов — все притихли, рассматривая парочку, которая не спеша брела навстречу. Макс ухмыльнулся, окинув их притворным безразличием, граничащим с презрением.

— Здорово пацаны! — громыхнул он. — Сидите? Новый год на носу, а вы всё пивом заправляетесь. Вот, — Макс жестом указал на Валика. — хочу вам представить Валентина.

— Здравсьте, — промямлил Валик, помня о недавней претензии, выставленной ему в беседке.

— Привет, Валентина, — театрально произнёс Димон с интонацией зэка, разводящего неопытную тёлку на петушатику. Пацаны заржали, и он продолжил: — Так ты баба, оказывается, а не пацан. Что ж ты нам сразу не сказала?

— Ладно, идём, — Макс сконфуженно потащил Валика за собой, и они пошли быстрым шагом.

— Макс, расскажешь потом, как эта баба сосёт? — заорал в спину Димон, и пацаны опять взорвались смехом.

Валик шёл, дрожа от страха. Если бы рядом не было Макса, он бы умер на месте. Но острый твёрдый, как камень, локоть борца гарантировал защиту. Будь Валик девушкой, он бы давно ходил взяв Макса под руку. В этот момент Валик ощутил, что готов расплакаться от беспомощности.

Он даже не может дотронуться до любимого парня, чтобы выразить благодарность. Не может бросить ласковый взгляд, оставить поцелуй на щеке, не может обнять, шепнуть нежные слова — всё это табу в обществе, не терпящем однополых связей.

В канун Нового года Макс договорился с Валиком, что зайдёт за ним после полуночи и они вместе пойдут гулять, смотреть фейерверки. В этот день Валик с утра почувствовал необычное

воодушевление. Мама готовила оливье, ставила мариноваться мясо, раздавала кучу поручений мужу и сыновьям. Ближе к полуночи семья села за стол, и Валик, предвидя скорую встречу с Максом, выпил больше шампанского, чем когда-либо. Лёгкость в голове распространилась на тело, игривость пузырьков передалась настроению. Когда позвонил Макс, Валик замкнулся в комнате и вышел через десять минут бледный, нервно закусывая нижнюю губу. В дрожащих руках он держал пустой пакет, сложенный пополам.

На улице пьяная молодёжь взрывала петарды, группки семей с детьми пускали красочные ракеты. Огромная нарядная ёлка, установленная посреди района, притягивала толпы народа. Валик знал, что родители Макса уехали в гости. Пикантность ситуации ещё больше подливала масла в огонь, и от возбуждения он не мог говорить, кровь прилила к лицу. Он ничего не видел и не понимал.

«Неужели это случится сегодня?» — повторял он про себя, дрожа от ужаса, нервно моргая и прерывисто выдыхая, чтобы опять невольно задержать дыхание.

Макс наоборот: испытывал лёгкость и спокойствие. Он водил Валика за собой, не замечая, как тот волнуется. Что-то подсказывало ему, что всё будет хорошо.

И действительно: на предложение зайти в гости Валик неожиданно согласился. В лифте Макс приобнял запяневшую дурёху и нежно поцеловал её в губки:

— Всё будет хорошо, — прошептал он поплывшей сучке.

Макс тоже выпил немного вина с родителями и чувствовал прилив энергии.

«Прикольно будет лишиться девственности в самом начале года!» — думал он.

В квартире было темно, и только гирлянды на искусственной ёлке, окнах и телевизоре переливались волшебными огоньками. Валик сразу почувствовал уют атмосферы, царившей в этой богато уставленной мебелью и украшениями квартире.

— Я на минутку, — сказал он, разувшись, и, не сняв пальто, ускользнул в ванную.

Макс удивлённо проводил тьюфяка взглядом и прошёл в зал, где стоял накрытый стол.

Включил медленную расслабляющую музыку, налил в бокалы вина и только задумался о том, как заставить Валика взять с собой в следующий раз женскую одежду, как дверь за спиной скрипнула.

— Извини, что так долго, — прошептала брюнетка тонким голосочком, хлопая пышными чёрными ресницами, похожими на крылья бабочек. Алые губки девочки блестели матовым огнём, переливаясь огоньками гирлянд. Косметическая мушка украшала верхнюю губку, нижняя была приоткрыта, выражая томление и тревогу. Белая полупрозрачная блузка с рюшами на коротких рукавах изящно ограничивала выпирающие холмики груди. Верхние две пуговицы были расстёгнуты. Чёрная короткая юбка-стрейч, натянутая на круглую широкую задницу, едва прикрывала срам. Ажурные резинки шоколадных чулков наполовину выглядывали из-под нижнего края юбки. Гладенькие ножки заканчивались чёрными лакированными туфельками-лодочками на высокой острой шпильке.

«Блядь!» — выдохнул Макс про себя, восхищённо переводя дыхание.

— Ляля, — сказал он не своим хриплым голосом. — Ты просто великолепна!

Он подошёл к ней и внезапно уловил богатый аромат духов, исходящий от неё.

— Потанцуй со мной, — нежно попросил он.

Она дико волновалась. От возбуждения плющило восприятие, комната плыла перед глазами, музыка звучала сквозь пелену опьянения. Резинки чулков липли к бёдрам, юбка сидела на попе, как влитая, стринги впивались в промежность, бюстик перетягивал грудь — все эти

ощущения она давно изучила дома, но здесь, в гостях, они с новой силой напомнили о себе. Она не кружилась в танце, а медленно переступала с иголки на иголочку, подгибая коленки, колыхая задом, как это делала дома перед зеркалом. Юбка сползала вверх. Чтобы не светить трусами Валик стягивал её периодически к коленкам. Он впервые испытал женскую стыдливость, вызванную откровенностью наряда.

Макс исследовал новую территорию: ладони скользили по попе тёлки, поднимались к талии, ласкали живот. Сучка тёрлась о его бедро, насаживалась на колено. Он поцеловал её нежно, как девочку, и она моментально возбуждалась. Выгнула спину, выставила напоказ круглое сокровище, полезла руками под ремень. Тогда он скинул джинсы и завалился на диван. Сучка с членом под юбкой навязчиво стягивала с него одежду, покрывая его тело поцелуями. Он представить себе не мог, что она будет такой развратной и страстной. Стянула с него трусы, обхватила член рукой и тут же, сдвинув крайнюю плоть к корню, накрыла расслабленную бледную головку алыми губками.

— Макс, — прошептала она, оторвавшись на секунду, взглянув ему нежно в глаза. — Я люблю тебя.

Она сосала жадно, причмокивая, как будто пила молоко из соски. Прикрывая веки, она вытягивала губы в поцелуй, наслаждаясь каждым моментом прикосновения к члену.

«Сосать член так приятно!» — думала она, вылизывая колбасу длинными кошачьими мазками.

Макс вдруг поймал себя на ускользящей пугающей колкой мысли, что член не встанет, что вся затея напрасна — он никогда не испытает оргазма с девушкой, и уж тем более с парнем, переодетым в девушку. От мрачного предчувствия тело покрылось мурашками. Сознание помутнело, безнадёжность предприятия охватила тоской.

Ляля была великолепна, она всасывала яйца, по одному затягивая их в рот, расточаясь на комплименты:

— Какие большие, сладкие, — урчала она. — Как же я хочу тебя!

Колбаса вытянулась, разбухла, но сохраняла мягкость. Глубокие заглоты, нежные посасывания и покусывания провоцировали Макса, но недостаточно, чтобы вызвать стояк.

Он готов был взвыть от горя и уже хотел свалить всё на алкоголь и отказаться от секса, как вдруг Ляля запустила руку под юбку, стянула ажурные стринги набок и заиграла с тонким белым стручком. Это было потрясающее зрелище: розовые маленькие яички запрыгали, заколыхались под острым пенисом, отбеленный пухлый лобок заиграл отблесками в полумраке комнаты.

Макс взорвался возбуждением. Похоть прилила к голове и осталась в стеклянном животном взгляде, красном распаренном лице, дрожащих вывернутых губах.

Член залился под завязку в палку с набалдашником, головка раздалась под давлением, сползла по стволу.

— Ого, — растерянно залепетала тёлка, оторвавшись на секунду от члена, хлопая изумлённо ресницами. Валик держал в руке член в три раза длиннее и два раза толще собственного.

— Стой так, — зарычал на неё Макс.

Тёлка только успела подползти поближе к дивану и, почувствовав приближение случки, подложить подушку под коленки. Она долго готовилась к этому моменту, теперь ей не стыдно прийти в гости к любимому парню, подставить под него свой пышный зад.

Макс не понимал, что творит. Презерватив, валявшийся в кармане джинсов, влетел на член.

Короткая юбка тёлки задралась на талию, треугольник чёрных стрингов сполз с копчика, обнажив нежную стянутую в узелок звёздочку. Та испуганно сжалась и тут же горделиво расправилась, приглашая к действию.

Макс брызнул анальной смазкой в кратер между круглыми холмами и в следующий момент сантиметр за сантиметром вогнал огромный железобетонный столб в жопу развратной суки.

— А-а-а! — застонала та, разъезжаясь под ним, проседая под тяжестью в диван.

Он прибил её к подушкам одним глубоким взмахом, по самые яйца оставшись в тугой горячей дырке.

— Макс, что ты со мной делаешь? — взмолилась сучка, судорожно хватая воздух ртом, дрожа под ним в экстазе.

Но он не слушал её. Он обрушивался в неё снова и снова, влетая по самые яйца, срывая с неё свою первую в жизни пломбу до самого конца.

Она смирилась через минуту. Раздвинув бёдра пошире и ладонями растянув пухлые ягодицы, пассивно отдалась жёсткому траху. Огромный поршень, долбящий её сверху, по ощущениям был похож на огурец, которым она увлекалась всё это время, пока готовилась к инициации. И всё же это было другое. Действие — мощное, интенсивное — исходило извне. Ей не нужно выворачиваться, работать руками. Она может наконец расслабиться, отдаться более сильному агрессору, почувствовать себя настоящей женщиной, которую трахает настоящий мужчина.

От этой мысли она вновь покрылась мурашками — уже в который раз за вечер.

«Трахай меня, милый, — шептала она про себя. — Трахай пожётче! Затрахай свою девочку как ты любишь! Я — твоя Ляля! Твоя новая Ляля! Кончи в меня, прошу тебя!»

Макс схватил её за шею и жилистыми пальцами прибил к дивану. Она только вывернула лицо набок чтобы дышать. Сквозь завесу растрепавшихся вялых волос язык непроизвольно вывалился из полуоткрытых алых губок. На покрасневшем лице не осталось и следа от Валика. Он жил в этот момент в другом мире. Развратная сука требовала осеменения, своего первого богатого впрыскивания.

И Макс не заставил долго ждать. В очередной раз загнав кол до конца, он с диким грудным рёвом разлился в неё. Начиная сказочным онемением на конце члена, переходя к безвозвратной неконтролируемой цепной реакции. Микровзрывы вытягивали струи семени, выхлёстывали сперму по стволу в пышный затраханый зад, закачивали жидкость в прозрачный мешочек, образовавшийся на конце члена.

Тёлка, с задранной на талию юбкой, с шоколадными пышными ножками, со сцепленными крест-накрест шпильками, с чёрными стрингами, затянутыми на жопе, едва прикрывающими срам, лежала под ним обездвиженная, ошеломлённая безумным оргазмом самца. Он покрыл её как бык покрывает молодую яловую тёлку, не оставляя шансов на спасение.

Валик, лишённый девственности таким изоцрэнным способом, приходил в себя. Кол, торчащий глубоко в заднице, постепенно терял твёрдость. Ему хотелось приобнять, поцеловать Макса, и он уже хотел выползти из-под горячего потного тела, как вдруг почувствовал, что ствол снова наливается кровью.

«Опять?!» — изумился он, почувствовав новые толчки секс-машины.

Макс разгонялся для следующего осеменения. В этот раз он не спешил и спустился на ковёр. Подтянув тёлку поближе к себе, немного приспустив её огромный разъехавшийся зад, он трахал её в хлюпающую дырку. Расслабленно и уверенно закрепляя владение территорией.

«Вот она — моя первая баба!» — думал он, расточаясь на нежности.

Руки гладили мягкие булки, скользили по пышной коже, находили кости таза, цепляясь за них для более решительных действий. Он вколачивал член, наслаждаясь процессом. Это была его первая девка, баба, которую он подчинил своей воле, дырка, которой он теперь пользовался на своё усмотрение.

Чтобы проверить теорию, Макс достал палку, стянул презерватив и, развернув тёлку к себе, вогнал покрытую спермой головку ей в рот.

— Поласкай меня, Ляля, — попросил он девочку.

Та была рада стараться: помогая рукой, принялась сцеживать молоко, гоня залитый сталью ствол.

— Давай я тебе помогу, — прошептал Макс и принялся агрессивно дробить.

Ляля старалась не отрывать алые губки от дрожащей головки, прикинув поцелуем к нежной плоти, заигрывая с ней язычком. Он взорвался густыми солоноватыми струями, выстреливая в рот. Семя скользило по языку, стекало в горло. Ляля быстро глотала, освобождая место для новых потоков. Последние струйки она оставила во рту, чтобы изучить новый для себя вкус, который теперь станет родным и понятным.

Макс переместился на стул. Довольно ухмыляясь, он изучал потрёпанный видок затраханной куколки, сидевшей перед ним на коленках.

— Теперь сама, — загадочно произнёс он.

— Что сама? — куколка захлопала ресницами, облизывая остатки спермы на губах.

— Я хочу посмотреть, как ты кончаешь.

Ляля улыбнулась, села попой на ковёр и раздвинула ляжки. Под короткой тянущейся юбкой треугольник стрингов прикрывал игрушечный пенис. Девочка достала стручок из-под тонкой прозрачной ткани и начала играть с ним. Её любвеобильный взгляд устремился на возлюбленного, ради которого она была готова на всё.

Затраханый Валик, вошедший во вкус женских удовольствий, довёл себя до предела, растирая детскую головку как клитор, и кончил нежно охая, как баба, высокими обертонами. Водянистая сперма, оставшаяся на руке, переместилась в ротик. Он вылизывал её, как кошка, показывая любимому, что любит сперму, что хочет ещё. Он соблазнял Макса на новые соития и богатые излияния.

Макс покровительственно улыбался в этот момент, наблюдая за любопытным представлением. Внутри него просыпался новый вулкан, извержение которого не заставит ждать до утра.